

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

ТАМ, ГДЕ
КОНЧАЕТСЯ РЕКА

CHARLES MARTIN

WHERE THE RIVER ENDS

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ РОМАНЫ
ЧАРЛЬЗА МАРТИНА:

КОГДА ПОЮТ СВЕРЧКИ
ЖЕНЩИНА БЕЗ ИМЕНИ
МЕЖДУ НАМИ ГОРЫ
В ОБЪЯТИЯХ ДОЖДЯ
КОЛОДЕЦ С ЖИВОЙ ВОДОЙ
БОГ ПЯТНИЧНОГО ВЕЧЕРА
ЛОВЕЦ ОГНЕЙ НА ЗВЕЗДНОМ ПОЛЕ
ДОРОГИ, КОТОРЫМ НЕТ КОНЦА
МОЯ ЛЮБОВЬ КОГДА-НИБУДЬ ОЧНЕТСЯ
ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ РЕКА

Уважаемые читатели!

В 2007 году я познакомился с семейной парой, у них умерла от рака дочь. Когда я стоял возле могилы этой женщины, матери двух прелестных детей, а ее отец плакал рядом со мной, до меня вдруг дошло, что мы с ней ровесники. Жестокость судьбы глубоко поразила меня. Потом я узнал, что муж незадолго до смерти жены прислал ей в больницу документы на развод. Это поразило меня еще сильнее. И до сих пор не дает покоя.

Через несколько недель, когда я плыл в каяке по Сент-Мэрис, у меня возник замысел этой книги. Вот как это случилось. Лодка скользила по воде, солнце только-только появилось над горизонтом, а я думал: «Способен ли мужчина сохранить свою любовь? Способен ли он любить жену, даже если она лишилась волос и груди?» Потом я начал переносить слова на бумагу и обнаружил, что создаю нечто целое из разрозненных отрывков о любви и страдании. Результатом стал мой новый роман «Там, где кончается река». Да, в нем много говорится о боли, но, по-моему, красота все-таки победила.

Читатели часто спрашивают, почему я пишу такие книги, зачем беру такие сюжеты. По мере того как становлюсь старше (а мне 38 лет) и все больше постигаю жизнь, я замечаю, что мое сердце грубеет, словно по-

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

крывается чешуей. И я не один такой. Поэтому надеюсь, что мои книги достигнут глубин души и заставят читателей испытать прежде неведомые им чувства: любовь, о которой они позабыли, или надежду, давно вычеркнутую из списка. И еще: я пишу, чтобы пробудить собственную душу.

Спасибо за неоценимую роль, которую вы сыграли при создании этой книги.

*С наилучшими пожеланиями,
Чарлз Мартин*

Посвящается моим бабушке и дедушке, Элей и Тилману Кэверш, прожившим в счастливом браке шестьдесят семь лет.

Пролог

У меня мало приятных воспоминаний о детстве. Только моя мама и река. Я долгое время считал, что реку называли в мамину честь.

Человек, который жил в нашем трейлере, всегда был зол. И постоянно курил, прикуривая одну сигарету от другой. Он никогда не бил меня, по крайней мере сильно, но от его голоса у меня болели уши. Мама говорила, что «во всем виновата бутылка», хотя я сомневаюсь, что подлость всасывается с алкоголем. Можно попытаться утопить ее в спиртном, но, как я убедился, подлость хорошо плавает. В поисках спасения мы с мамой уходили на реку. Она утверждала, что здесь мне, с моей астмой, будет легче. Мне так не казалось. На мой взгляд, от астмы могла избавить только смерть.

Я чувствовал себя так, будто мне на грудь положили тяжелый камень. Словно я втягивал каждый глоток воздуха через садовый шланг. Поэтому всегда испытывал трудности, когда требовалось выразить свои мысли и чувства. Мама хотела, чтобы я выражал свои чувства, она пыталась вытянуть их из меня. «Забудь о чувствах, — говорил я. — Чувствовать будем потом. А сейчас дай мне подышать».

Не считая пьяницы в трейлере, альбутерола и спазматического кашля, у меня была еще одна проблема: явный разрыв между чувствами и речью. Что-то во мне разъединилось.

Моя душа была разбита. А ее осколки казались островами. Я словно ощущал, что она не единое целое и в ней нет главного. Только раздробленный на части континент, фрагменты которого плавали в разных концах света. Нечто подобное мне попадалось на фотографиях, где изображены дрейфующие льды.

С пяти до восьми лет я ходил в шлеме, даже если не катался на велосипеде, а в школе носил кличку Синюшный — из-за характерного цвета губ. Чтобы чем-то занять меня в годы моего вынужденно малоподвижного и по большей части тяжелого детства, мама купила краски. И в них я нашел спасение. Я рисовал мир, в котором мне хотелось жить.

У реки стояла скамейка, на которой мы часто сидели вечерами, когда сигаретный дым и словесные изливания выгоняли нас из трейлера. Однажды, когда мне было лет десять, я подслушал чужой разговор и спросил:

— Мама, что значит «доступная женщина»?

— От кого ты это услышал?

— Вон от той толстой.

Мама кивнула.

— Детка, все мы иногда сбиваемся с пути.

— И ты?

Она коснулась моего носа кончиком пальца.

— Когда я с тобой — нет. — Мама обняла меня. — Но это не важно. Главное, что ты делаешь, когда сбиваешься с пути. — Она провела меня через заросли, усадила на скамейку. — Досс, в этой реке живет Бог.

Стоял один из тех вечеров, когда небо обретает бронзовый цвет, а солнце прячется за грозowymi облаками.

Края облаков были алыми, а нижняя сторона — темно-синей. Вдалеке виднелась стена приближающегося дождя. Я окинул взглядом берег и рябь на воде и вспомнил все те моменты, когда мой язык как будто увеличивался, заставляя терять дар речи, за секунду до того, как я падал в обморок от недостатка кислорода.

Я нахмурился:

— Да уж, это многое объясняет.

Мама отвела волосы с моего лица, а я дважды быстро подышал в ингалятор.

— Что ты имеешь в виду? — Я задержал дыхание и махнул рукой в сторону дома. — По крайней мере в нашем трейлере Его нет.

Мама снова кивнула.

— Он там был, когда я тебя зачала.

Я уже научился ругаться и решил испытать мамино терпение.

— Может быть. — Я харкнул и сплюнул. — Но сейчас ни хрена Его там нет.

Мама ухватила меня за щеку и развернула лицом в сторону реки.

— Досс Майклз...

— Да, мэм?

— Посмотри туда. Что ты видишь?

Мой голос звучал хрипло и приглушенно:

— Воду.

Она слегка усилила хватку.

— Не умничай. Посмотри хорошенько.

— Мальков.

— Ближе. На поверхности.

Я вгляделся как следует и прикусил себе щеку.

— Деревья, облака... небо.

— Как это все называется?

— Отражение.

Мама разжала пальцы.

— Не важно, в какой грязи ты окажешься, но не позволяй ей замутить отражение. Ты меня слышишь?

Я указал на трейлер:

— Он мутит сколько хочет, а ты ему ничего не говоришь.

— Да. Но я ничего не могу поделать. А ты еще не сломлен.

— Почему ты его не прогонишь?

Мама тихо ответила:

— Потому что я умею только работать, много часов подряд, а он забирает все деньги. — Она приподняла мою голову за подбородок. — Мой чудесный бинтик, ты слышишь?

— Почему ты так меня называешь?

Она прижалась ко мне лбом.

— Потому что ты исцеляешь мои раны.

Я тогда ни черта не знал о жизни, но не сомневался, что мама хороший человек. Я кивнул в сторону трейлеров:

— Сказать той толстой, чтобы заткнулась?

Мама покачала головой:

— Толку все равно не будет.

— Почему?

На небе блеснула молния.

— Потому что ей тоже больно. — Мама отвела волосы с моего лица. — Я повторяю... Ты меня слышишь?

— Да, мэм.

Прошло несколько минут. В воздухе запахло сыростью и приближающимся дождем, атмосфера насыщалась электричеством.

— То, что тебе дано, то, что ты можешь сделать при помощи карандаша и кисти, — это нечто особенное. — Мама притянула меня к себе. — И это ясно каждому идиоту. Я тебя ничему не учила. И не могла научить, потому что не в состоянии излить душу на листке бумаги.

— Я не чувствую себя особенным. Чаще — полумертвым.

Мама поправила юбку. Чуть выше пятки виднелся порез от бритвы. Она отмахнулась.

— Жизнь — непростая штука. По большей части — очень даже жестокая. В ней редко есть смысл, и она ничего не преподносит на блюдечке. Чем старше ты становишься, тем чаще она сбивает тебя с ног и топчет. — Мама попыталась рассмеяться. — Люди приходят к этой реке по многим причинам. Одни прячутся, другие от чего-то бегут, третьи ищут тихое, спокойное местечко — может, пытаются что-то забыть, облегчить свою боль, но... все они хотят пить. Ты — как река. В тебе таится то, что нужно людям. Поэтому не скрывай свой дар. Не ставь плотину. И не мути отражение. Пусть твоя река течет, и в один прекрасный день люди со всего света придут к ней, чтобы купаться и пить.

Она положила мне на колени альбом, вручила карандаш и велела смотреть на реку.

— Видишь?

— Да, мэм.

— Теперь закрой глаза.

Я подчинился.

— Сделай глубокий вдох.

Я закашлялся, харкнул и проглотил мокроту.

— Видишь картинку?

Я кивнул.

— Теперь... — Мама вложила в мои пальцы карандаш, и тут упала первая капля дождя. — Подумай, на что тебе хочется взглянуть еще разок... и дай себе волю.

Я так и сделал.

Вечером она рассматривала мой рисунок. Внезапно нос у нее захлюпал. В глазах стояли слезы.

— Пообещай мне кое-что...

— Что?

Мама выглянула в окно, за которым в клубах пара текла река. Она коснулась моего виска, а потом прикоснулась рукой к моей груди.

— То, что там, — это как источник, который бьет где-то в глубине. Он сладкий. Но... — По ее щеке потекла слеза. — Иногда источники пересыхают. Если тебе будет плохо и больно, если ты заглянешь в себя и поймешь, что твой родник пересох и осталась только пыль, тогда возвращайся сюда... ныряй и пей.

Так я и сделал.

Глава 1

30 мая

Я поднялся по лестнице в свою студию, ощутил запах сырых дров. Интересно, сколько нужно времени, чтобы пламя пожрало здесь все? Наверное, считанные минуты. Сложив руки на груди, я прислонился к стене и уставился на все эти глаза, что смотрели на меня.

Эбби так хотела, чтобы я поверил. Даже повезла меня за полсвета, поставила перед Рембрандтом, хлопала по плечу и сказала: «Ты можешь не хуже». Поэтому я рисовал. В основном портреты. Моя мать заронила зерно, а Эбби много лет спустя принялась его поливать и защищать от сорняков.

Хороший огонь и запоздавшие пожарные — и я получу кругленькую сумму по страховке. Вокруг, прислоненные к стенам, грудями лежат более трех сотен пыльных картин — плоды десятилетних трудов. Холст и масло. Лица, которые я запечатлел в тот момент, когда на них отражались эмоции — известные всем, но редко облакаемые в слова. Раньше получалось легко. Непринужденно. Бывали дни, когда мне не терпелось сюда вернуться, когда я не в силах был сдерживаться, когда писал по четыре картины в один присест. Во время этих ночных бдений я открыл в себе Везувий.

На меня смотрели последние десять лет жизни. Картины, некогда висевшие в домах по всему Чарлстону, теперь постепенно, одна за другой, возвращались ко мне. Самозванные критики местных газет сетовали, что моим работам «недостает оригинальности и чувства», а главное, что они «скучные, неглубокие и чересчур безыскусные».

Для этого критиков и держат.

На мольберте передо мной стоял холст. Пыльный, выгоревший на солнце, потрескавшийся. Пустой. Как моя душа.

Я шагнул в люк, проделанный в скате крыши, и вскарабкался по железной лесенке на смотровую площадку. Вдохнул соленый воздух и посмотрел на воду. На меня заорала чайка. Воздух, густой и влажный, окутывал город, как одеяло. Небо было чистое, но пахло дождем. Полная луна висела высоко, отбрасывая тени на воду, которая в тридцати метрах от меня набегала на бетонную стенку. Вдалеке, на юго-востоке, сверкали огни Форт-Самтера. Впереди сливались воды рек Эшли и Купер. Большинство жителей Чарлстона считают, что здесь начинается Атлантический океан. На севере виднелись остров Салливана и пляж, где мы часто купались. Я закрыл глаза и услышал отзвуки нашего смеха.

Это было давно.

Передо мной простирался Священный город с его шпилями, пронзающими ночное небо. Моя тень тянулась по крыше, цеплялась за штанину, тащила вниз. Кованая железная решетка, оберегающая от падения, была сделана полвека назад легендарным мастером по имени Филипп Симмонз. Сейчас ему перевалило за девяносто, его работы были на пике популярности, и за ними охотился весь Чарлстон. Смотровая площадка, потрепанная бурями, досталась нам вместе с домом. Все тринадцать лет, что мы здесь прожили, эти три метра

пространства были местом, откуда я в ночи озираю весь мир. Мое уединенное прибежище.

В кармане загудел мобильник. Я взглянул на экран и понял, что звонят из Техаса.

— Алло?

— Досс Майклз?

— Слушаю.

— Это Анита Беккер, ассистент доктора Пола Вирта.

— Говорите.

Дыхание у меня сбилось. Так много зависело от ее слов. Она помолчала.

— Мы хотели позвонить и... — я догадался прежде, чем она сказала, — и сообщить, что контрольная комиссия разрешила нам принимать добровольцев для исследований лишь на первой стадии болезни. Не на второй.

Пронесся ветер и повернул скрипучий флюгер. Петушок теперь указывал на юг.

— В будущем году, если исследования пройдут успешно, мы собираемся начать изучение более сложных случаев. — То ли она стала говорить тише, то ли я ослабел. — Мы направили письмо в Слоун-Кеттеринг доктору Плисту, рекомендуя обследовать Эбби...

— Спасибо. Большое спасибо. — Я убрал телефон. Проблема с хватанием за соломинку в том, что ты долгое время чувствуешь себя в подвешенном состоянии, а в итоге, как правило, так ничего и не получается. Вот почему люди молятся.

Телефон опять зазвонил, но я не стал отвечать. Через минуту — снова звонок. Я взглянул на экран. Доктор Радди.

— Привет, Радди.

— Досс... — Он говорил негромко. Я буквально видел, как Радди сидит, облокотившись на стол и обхватив голову руками. Кресло под ним скрипнуло. — Мы по-